

Атаев Таулан Иосифович, Бегеулов Рустам Маратович

**ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ
МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1921-1936 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ
КАРАЧАЯ)**

Статья посвящена анализу практики лишения избирательных прав служителей мусульманского религиозного культа в Карачае в 1921-1936 гг., рассматриваемой в качестве одной из форм репрессивной политики советской власти. Отмечается, что лишение мусульманского духовенства избирательных прав началось буквально с первых выборов, проведенных после окончательного установления Советской власти в 1921 г., и продолжалось вплоть до принятия Конституции 1936 г., снявшей данные ограничения по социальному признаку.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/5.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 27-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

EVOLUTION OF CATHOLIC RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THEODICY

Antonenko Viktoriya Vladimirovna
Smolensk State University
lyubimayaviktoriya@mail.ru

The article reveals the conceptual logic of the evolution of Catholic religious and philosophical theodicy from Paul the Apostle till Thomas Aquinas. In the process of the development of Catholic doctrine different solutions of theodicy were introduced but all of them had one common feature – tendency to develop rational theodicy. Rationalization was aimed not to show the insufficiency of faith but to search for new ways to understand religious truth. Catholic theodicy was greatly influenced by Augustinism and Thomism.

Key words and phrases: Catholic theodicy; grace; faith; mind; evil; good; freedom; responsibility.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу практики лишения избирательных прав служащих мусульманского религиозного культа в Карачае в 1921-1936 гг., рассматриваемой в качестве одной из форм репрессивной политики советской власти. Отмечается, что лишение мусульманского духовенства избирательных прав началось буквально с первых выборов, проведенных после окончательного установления Советской власти в 1921 г., и продолжалось вплоть до принятия Конституции 1936 г., снявшей данные ограничения по социальному признаку.

Ключевые слова и фразы: советы; Карачай; репрессии; мусульманское духовенство; лишение избирательных прав; Конституция.

Атаев Таулан Иосифович

Бегеулов Рустам Маратович, д.и.н., профессор

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
r_begeul@mail.ru

**ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ
МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРНОГО КAVKAZA В 1921-1936 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ КАРАЧАЯ)©**

Приход к власти в России большевиков в 1917 г. коренным образом изменил практически все стороны общественной жизни. Прекрасно осознавая, что победу в гражданской войне можно было одержать лишь благодаря поддержке большинства населения, они обратили особое внимание на идеологическую борьбу со своими противниками. Важное место в этой борьбе отводилось разрушению традиционной религиозной идентичности российского общества. Применительно к теме данной статьи это, например, выразилось во введении практики лишения избирательных прав священнослужителей. Уже в первой Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., в пункте «г» ст. 65 в качестве категорий населения, подлежащих данной репрессивной мере, были отмечены «монахи и духовные служители церкви и религиозных культов» [12]. Именно этим пунктом руководствовались избирательные комиссии на местах при составлении списков «лишенцев».

Применение данного ограничения правоспособности духовенства в мусульманских регионах государства (в данном случае – в Карачае) имело свои особенности. Специфика его заключалась в том, что само понятие «духовенство» в качестве особого слоя лиц, занимавшихся исключительно богослужением на постоянной основе, не характерно для ислама. Согласно мусульманским канонам верующие не нуждаются в посреднике между собой и Аллахом. Любой мусульманин, обладающий достаточными знаниями, мог возглавить местную религиозную общину. Однако после включения регионов с компактным проживанием мусульман в состав Российской империи царская администрация, желая взять под свой контроль религиозных лидеров новых подданных, предоставила им места в местных аппаратах управления и прочие преференции. Таким образом, имперские власти детерминировали оформление мусульманского духовенства в качестве отдельной социальной группы населения.

В большинстве регионов Северного Кавказа в начале 1920-х гг. представители Советской власти действовали в отношении служащих исламского культа весьма осторожно. Во многом это было обусловлено той поддержкой, которую горцы оказали Красной армии в период гражданской войны. Используя идеологию газавата, многие религиозные деятели Терека и Дагестана выступили против «неверных»: интервентов и белогвардейцев. Воспользовавшись подобными настроениями горцев, для которых борьба с белыми, выступавшими с лозунгами о единой и неделимой России, была продолжением Кавказской войны, большевики

умело использовали их в своих интересах. Достаточно вспомнить 1-ю ударную Шариатскую колонну Н. Катханова, чеченские и ингушские шариатские полки революционной армии Н. Ф. Гикало, которые сыграли большую роль в окончательной победе Советской власти на Тереке.

Потому неслучайно, что после образования Горской и Дагестанской АССР в начале 1920-х гг. центральные и региональные органы власти рассматривали исламских лидеров как потенциальных союзников и помощников в деле упрочения своего влияния в народных массах. Именно этим можно объяснить эксперименты по совмещению светского и религиозного (шариатского) судопроизводства, введение в состав местных органов юстиции специалистов по шариату и т.п.

Иначе сложилась ситуация в годы гражданской войны на Кубани, в частности, в Карачае. Традиционно зажиточное горское население региона, поддержав Февральскую революцию, к идеям большевикам отнеслось скептически. Немногочисленные красногвардейские отряды, созданные в 1918 г., в период наступления белых практически не оказали серьезного сопротивления.

Местные духовные лидеры, хотя и не были в восторге от идеологии денкинской администрации, насильственных мобилизаций и реквизиций, все-таки сохраняли внешнюю лояльность к белым в течение всего периода их контроля над территорией Юга России. Объяснялось это желанием оградить горцев от репрессивных мер, которыми печально прославились белогвардейцы в соседних регионах.

Подобная политика религиозной и светской элиты Карачая в 1918-1920 гг. привела к тому, что местное большевистское руководство не чувствовало себя обязанным и благодарным мусульманскому духовенству. Именно этим можно объяснить тот факт, что уже на первых выборах оно подверглось лишению избирательных прав. Прецеденты подобного рода нам известны уже в 1921 г.

Окончательное установление советской власти в регионе Верхней Кубани в ноябре 1920 г. и переход к мирному строительству ознаменовались сменой чрезвычайных органов власти (ревкомов), избранными советами и исполнительными комитетами (исполкомами). В марте 1921 г. в карачаевских селениях прошли выборы в местные органы власти и окружной исполком. При этом в большинстве случаев в них были избраны деятели еще дореволюционной элиты – представители княжеских и дворянских родов, составлявшие основу интеллигенции того времени. В их числе было немало тех, кто занимался религиозной практикой. В своем предписании от 7 апреля 1921 г. председатель избирательной комиссии округа Р. Куатов указывал на крайнюю «засоренность» лицами, «не имеющими права, согласно Конституции РСФСР, избирать и быть избранными» совета селения Хурзук. В числе таких лиц были указаны и религиозные деятели: Зулкарнай-Хаджи Тохчуков, Абдул-Керим Хасанов, Рамазан Чотчаев [6, д. 4, л. 87].

Подобная политика в отношении духовенства продолжилась в Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО), образованной в январе 1922 г. Так, согласно циркуляру областного отдела Управления от 1 сентября 1922 г. № 3957, перед очередными перевыборами по состоянию на 1 апреля 1923 г. в карачаевских селениях были подготовлены списки тех, кто был лишен избирательных прав. Изучение документов говорит о том, что духовенство было одним из основных объектов применения данной меры. К примеру, в с. Эльбрус (левобережная часть с. Карт-Джурт, в то время являвшаяся самостоятельным поселением) из 7 человек, отстраненных от участия в выборах, трое (34-летний Ижаев Махти Хаджи-Байраевич, 33-летний Хубиев Мухаммад, 41-летний Салпагаров Мухаммад) подверглись этой санкции за «отправление религиозного культа» [3, д. 7, л. 13]. В с. Дуут лишенным права голоса оказался лишь один человек (53-летний Кочкаров Магъан Коналиевич), который опять-таки принадлежал к бывшему духовному сословию [Там же, л. 15]. В с. Новый Карачай из трех человек, лишенных избирательных прав на 27.09.1923 г., эфенди был один – Тоторкулов Мухаммад Хаджи-Назалиевич [Там же, л. 30].

Меньше была доля духовенства среди лишенцев в селениях Нового Карачая. Так, в с. Ташкепюр (Каменноост) из 17 человек, попавших в «черный список», религиозных деятелей было двое: 21-летний Абдул-Кадыр Хаджи-Бекирович Чанкаев и 37-летний Узденов Хабат Джумалиевич [Там же, л. 46]. В с. Нижне-Тебердинском (Сынты) на 6 октября 1923 г. в списке лишенцев было указано 30 человек, в том числе 30-летний «эфенди в ауле» Якуб Таушунаев и 45-летний «муэдзин-псаломщик» Чотчаев Мусса [Там же, л. 48 об.]. В с. Хасаут из 5-ти лишенцев, внесенных сельсоветом, двое были духовными лицами – непосредственно эфенди, 52-летний Алиев Исмаил и муэдзин 32-летний Лепшоков Айс [Там же, л. 58]. Из двоих представителей аналогичной категории по с. Архыз один был душевнобольным, а второй – 50-летний Кубаев Каракёз также эфенди [Там же, л. 72 об.].

В с. Тебердинском из 67 человек, как «духовные лица», были лишены избирательных прав 7 человек (36-летний Аджиев Мурат, 48-летний Халилов Магомет, 32-летний Батчаев Зекерья, 45-летний Боташев Абдрахман, 50-летний Акбаев Шогаиб, 31-летний Долаев Идрис и 50-летний Акбаев Исмаил) [Там же, л. 73-75]. Как видно, в число лишенцев был внесен И. Акбаев – известный просветитель, создатель первого учебника по карачаево-балкарскому языку, основоположник книгоиздания у горских народов Верхней Кубани, редактор первой национальной карачаевской газеты [9, с. 50-51].

Небольшое послабление в виде восстановления избирательных прав, характерное для выборов 1924 г., практически не коснулось Карачая. К тому же, в следующем 1925 г. репрессивная машина советского государства вновь перешла в наступление на духовенство. В Постановлении Президиума ЦИК СССР «Об инструкции о перевыборах в советы», вышедшем в свет 16 января 1925 г., отмечалось, что «пункт “г” ст. 65 Конституции РСФСР и соответствующие статьи конституций союзных республик распространяются одинаково на монахов и духовных служителей религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых эта

работа является профессией» [11]. Данное положение было официально закреплено в пункте «г» ст. 69 новой Конституции РСФСР, утвержденной Всероссийским Съездом Советов 11 мая 1925 г. [10].

Первые выборы, состоявшиеся на основе новой Конституции в феврале 1926 г., показали противоречивость применения местными избиркомами правовых актов, регламентирующих лишение избирательных прав. Так, из 450 избирателей с. Новый Карачай был лишен права голоса только один – эфенди М. Тоторкулов, уже упоминавшийся выше [4, д. 11, л. 1, 3]. Муэдзин Келемет Дудов решением аульского избиркома, заседавшего под руководством председателя окружного избиркома З. Хаджичикова, из списка лишенцев был исключен [Там же, л. 7]. В то же время в с. Джегута из 21 человека, лишённого избирательных прав весной 1926 г., 4 относились к категории духовенства: 41-летний Умар Джазаев, 63-летний Хасанов Хасан, 31-летний Лайпанов Хызыр, 25-летний Боташев Идрис, то есть, все местные служители культа. Примечательно, что других лишенцев по социальному признаку в списке не значилось. Все остальные лица были отнесены избиркомом к «ворам» и «бандитам» [Там же].

После решения Президиума ВЦИК в апреле 1926 г. о разделе КЧАО были образованы самостоятельные Карачаевская автономная область (КАО) и Черкесский национальный округ. В то же время курс на свертывание нэпа ознаменовался усилением репрессий. Лишению избирательных прав теперь подвергались не только сами представители духовенства, но и члены их семей (родители, жены и дети). В результате количество лишенцев всех категорий возросло в несколько раз.

На состоявшемся 16 октября 1928 г. втором пленуме Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), которому подчинялся и Карачаевский областной комитет партии, был рассмотрен вопрос «Об антирелигиозной пропаганде в нацобластях». Пленум по итогам своей работы подтвердил линию на продолжение политики контроля над духовной жизнью граждан и призвал активизировать борьбу с «религиозными пережитками» [8, с. 61].

В рамках данной кампании осенью 1928 г. административный отдел Карачаевской АО провел своеобразную перепись всех лиц, имевших мусульманское духовное образование и занимавшихся религиозной деятельностью. По всем селениям были разосланы анкеты, которые под надзором властных структур должны были заполнить сами эфенди. Однако в связи с тем, что большинство из них не знало русский язык, анкеты заполняли сами члены сельских исполкомов на основе устных показаний опрашиваемых [5, д. 4]. Подобные меры помогли соответствующим органам взять на заметку еще неучтенных духовных лидеров и активно применять к ним репрессивные меры, в том числе такие, как лишение избирательных прав. Во многом именно эти действия представителей власти привели к тому, что в перевыборную кампанию 1928-1929 гг. количество лишенцев в карачаевских селениях достигло максимума.

Репрессивные меры конца 1920-х гг. вызвали ответную реакцию со стороны духовенства. Значительная его часть стала оказывать открытое неповиновение властям, в том числе с оружием в руках. Немало религиозных деятелей проявило себя в антисоветском восстании в марте 1930 г. В мятеже, вызванном насильственной коллективизацией и продолжавшемся около недели, участвовало несколько тысяч горцев. Возглавил восстание Абдул-Керим Хасанов, который наряду с общественной активно занимался религиозно-просветительской деятельностью. После подавления антиколхозного движения несколько сотен его участников власти сослали в отдаленные регионы Урала и Сибири, около ста повстанцев было заключено на различные сроки в лагеря, несколько человек было расстреляно.

Учитывая, что религиозные лозунги играли далеко не последнюю роль в ходе восстания, ряд духовных лидеров Карачая подвергся репрессиям. Например, был расстрелян Рамазан-эфенди Джугуевич Чотчаев [7, с. 226], к пяти годам лагерей был приговорен Даут-эфенди Хаджаевич Батчаев [1, д. 128].

Согласно ст. 19 «Инструкции о выборах», в избирательных правах могли быть восстановлены лишь те представители духовенства, кто в течение 5 лет занимались общественно-полезным трудом, а также доказали свою «лояльность Советской власти». И если первое условие еще можно было как-то зафиксировать и удостоверить, то определение отношения к действующему режиму всецело зависело от прихоти местного руководства. Но и после получения 5-летнего трудового стажа, многих эфенди так и не восстанавливали в правах под предлогом недоказанной лояльности. При этом применить свои знания и опыт в складывавшейся ситуации им не представлялось никакой возможности. Неслучайно в Карачае из 74 лиц, имевших духовное образование на ноябрь 1928 г., лишь двое (бывший эфенди Кази-Мухаммад Узденов и дореволюционный мусульманский лидер (кадий) Карачая Джагафар Хачиров) принимали активное участие в общественной жизни региона. Первый из них стал учителем родного языка и состоял членом аульского совета [5, д. 4, л. 79 об.], а второй работал секретарем аульского суда, являясь также корреспондентом Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института [Там же, л. 71 об.]. Тем не менее, Д. Хачиров ежегодно лишался избирательных прав и как эфенди, и как кулак. Так, на заседании Оргтрояки при орготделе Карачаевского облисполкома 1.11.1932 г. утвердили решение Президиума аулсовета с. Карт-Джурт «об отнесении к числу явно-кулацких хозяйств гражданина Хачирова Джагафара». При этом было решено лишить его избирательных прав как «бывшего кади по ст. 15 п. “м” Инструкции РСФСР 1930 года» [4, д. 77, л. 9].

Многие эфенди неоднократно то восстанавливались в правах, то вновь их лишались. Так, на заседании оргтрояки 26.11.1932 г. право избирать было возвращено жителю с. Джегутинское Умару Джазаеву, который «бросил исполнение обязанностей эфендия в 1927 г. и с того времени занимался общественно-полезным трудом» [Там же, л. 11]. Однако уже через месяц 23.12.1932 г. положительное решение в отношении У. Джазаева было отменено, и его вновь внесли в списки лишенцев [Там же, л. 15].

Не всегда соблюдались и сроки восстановления в гражданских правах. Например, на заседании Оргтройки 19.04.1932 г. восстановили в избирательных правах жителя с. Учкулан Али Долаева, который более семи лет «с 1925 г. занимался общественно-полезным трудом, бросил службу религиозного культа» [Там же, л. 1]. На этом же заседании избирательные ограничения были сняты с жены эфенди Даум Малсуйгеновой (с. Кызыл-Покун), которая, как отмечалось в постановлении, «с 1930 г. не имеет никакой материальной зависимости от своего высланного мужа Курманбия и является неимущей беднячкой» [Там же]. Однако, как свидетельствуют документы, даже по отношению к «неимущим беднячкам» избирательные комиссии не отличались расторопностью. При этом, как признавал секретарь ВЦИК А. Киселев, рассуждая о необходимости более внимательного отношения к составлению списков граждан, лишённых избирательных прав, «даже временное пребывание на положении лишенца оказывается весьма тягостным для лиц, испытавших это состояние» [2, с. 123].

Подводя итоги, можно отметить, что в Карачае в отличие от большинства других национальных автономий Северного Кавказа репрессивная мера в виде лишения избирательных прав в отношении мусульманского духовенства стала применяться практически сразу же после установления в регионе советской власти. Уже на первых выборах в советы в 1921 г. значительная часть служителей культа была лишена избирательных прав. Эта практика продолжалась и в последующие годы вплоть до принятия в 1936 г. новой Конституции СССР, снявшей правовые ограничения по социальному признаку. Однако за прошедший период служители культа в основной своей массе превратились в стойких и принципиальных противников коммунистического режима. Следует также отметить, что большинство представителей мусульманского духовенства, лишённых возможности применять свои навыки и знания в условиях советской действительности, были поставлены в положение изгоев и практически не имели шансов адаптироваться к складывавшимся политическим и социокультурным условиям жизни общества. Это обусловило то, что наиболее активная в политическом плане часть эфенди приняла деятельное участие в антисоветских эксцессах межвоенного периода, в том числе в антиколхозном восстании 1930 г., после подавления которого подверглась уголовным репрессиям. В период «большого террора» 1937-1938 гг. практически всех лидеров мусульманских общин Карачая арестовали. Одни из них были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу), другие приговорены к длительным срокам заключения в лагерях, где большинство из них погибло. Таким образом, духовной сфере жизни карачаевского общества, неотъемлемой частью которой была религиозная идентичность, в 1920-1930-гг. был нанесен существенный удар, последствия которого сказываются до настоящего времени.

Список литературы

1. Архив Карачаевского научно-исследовательского института. Ф. 12. Оп. 1.
2. Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918-1936 гг.): на материалах Западного региона: дисс. ... к.и.н. Смоленск, 2003. 155 с.
3. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР). Ф. Р-246. Оп. 1.
4. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 2.
5. ГА КЧР. Ф. Р-314. Оп. 1.
6. ГА КЧР. Ф. Р-316. Оп. 1.
7. Книга Памяти жертв политических репрессий. Черкесск, 2014. Т. 1. Лишенные избирательных прав. 382 с.
8. Кратов Е. В., Кратова Н. В. «Анкетные на служителей религиозного магометанского культа» как источник по истории государственно-конфессиональной политики советского государства во второй половине 1920-х годов в Карачаевской автономной области // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 2. С. 59-69.
9. Хатуев Р. Т. Чокуна-эфенди (очерки о жизни и творчестве И. Я. Акбаева). Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2014. 256 с.
10. http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508617/chapter/6/#46000 (дата обращения: 03.03.2015).
11. <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-postanovlenija/x1a.htm> (дата обращения: 04.03.2015).
12. <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-pravila/q0o.htm> (дата обращения: 04.03.2015).

DISFRANCHISEMENT AS A FORM OF SOCIAL DISCRIMINATION OF THE MUSLIM CLERGY OF THE NORTH CAUCASUS IN 1921-1936 (BY THE MATERIALS OF KARACHAY)

Ataev Taulan Iosifovich

Begeulov Rustam Maratovich, Doctor in History, Professor
Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev
r_begeul@mail.ru

The article aims to analyze the practice of the disfranchisement of the ministers of Muslim religious cult in Karachay in 1921-1936, which is considered as one of the forms of the repressive policy of Soviet power. The authors emphasize that the disfranchisement of the Muslim clergy began just from the first elections that were conducted after the ultimate establishment of Soviet power in 1921 and lasted up to the adoption of the Constitution of 1936, which removed these social restrictions.

Key words and phrases: Soviets; Karachay; repressions; the Muslim clergy; disfranchisement; Constitution.